

пою—понять трудно. Чужой для болгаръ, не признанный европейскою дипломатіею, отвергнутый Россіею, Турціею и Германіею, онъ является дѣйствительно какимъ-то самозванцемъ, незаконно присвоившимъ себѣ титулъ болгарскаго князя, ибо этотъ титулъ можетъ принадлежать только лицу, избраніе котораго великимъ народнымъ собраніемъ утверждено Портою и всѣми державами, подписавшими берлинскій трактатъ. Игнорировать эти формальныя условія замѣщенія княжескаго престола могъ бы какой-нибудь болгарскій герой, единодушно поддерживаемый народомъ и имѣющій прочныя корни въ заслуженныхъ симпатіяхъ населенія; но чтобы любой пріѣзжій принцъ попиралъ ногами европейскіе трактаты и устраивался по своему въ вассальной области, недавно еще освобожденной отъ турецкаго владычества — это не имѣло бы просто никакого смысла. Ничто не оправдываетъ нарушенія формальныхъ правъ Европы и Турціи въ пользу принца Фердинанда Кобургскаго: это кандидатъ случайный, ничѣмъ не связанный съ Болгаріею, скорѣе навязанный народу, чѣмъ выбранный имъ сознательно. Болгары не знаютъ этого принца и едва ли могутъ сочувствовать его высокому аристократизму, его салоннымъ привычкамъ и вкусамъ, его австрійскимъ адъютантамъ и его католическимъ патерамъ. Личныя качества и достоинства его никому неизвѣстны; заслугъ у него еще нѣтъ. Ради чего же стали бы болгары добиваться назначенія именно этого принца, вопреки волѣ Россіи и другихъ великихъ державъ? Зачѣмъ нужно было бы мѣнять испытаннаго, популярнаго и признаннаго Европою князя Александра Баттенберга на какого-то безцвѣтнаго и претенціознаго юношу, если оба они одинаково нежелательны для Россіи? Мы не сомнѣваемся, что принцъ Фердинандъ будетъ вынужденъ въ скоромъ времени покинуть Болгарію, не столько вслѣдствіе протестовъ европейской дипломатіи, сколько въ силу невозможнаго и крайне жалкаго положенія его среди болгарскихъ партій, безъ твердой точки опоры въ народѣ и въ арміи. Это сказывается уже и теперь: регенты и министры, сдавшіе ему власть, уклонялись отъ дальнѣйшаго участія въ управленіи и предоставляли принцу самому выпутываться изъ критическихъ обстоятельствъ, въ какихъ очутился онъ въ незнакомой ему странѣ. Выдающіеся дѣятели княжества не хотѣли компрометировать себя службою при принцѣ, котораго они сами вызвали, но котораго въ душѣ не могутъ считать дѣйствительнымъ княземъ Болгаріи; они думали только помогать своими совѣтами тѣмъ второстепеннымъ лицамъ, которыхъ принцъ выберетъ въ министры. Только послѣ долгихъ и настоятельныхъ просьбъ принца, Стамбуловъ и его товарищи согласились взять въ свои руки бразды правленія. Юный „князь“, мечтающій объ „идеальномъ государствѣ“,